

A black and white portrait of Fyodor Razzaakov, a middle-aged man with a serious expression, wearing a dark suit, white shirt, dark tie, and a fedora. He is holding a lit cigarette in his right hand. The background consists of heavy, vertically pleated curtains.

Фёдор
РАЗЗАКОВ

Юрий
Никулити

СМЕШНОЕ
И ТРАГИЧЕСКОЕ

Федор Ибатович Раззаков
Юрий Никулин.
Смешное и трагическое
Серия «Мужчины, покорившие мир»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22181878

*Ф. И. Раззаков. Юрий Никулин. Смешное и трагическое: ООО «ТД
Алгоритм»; Москва; 2017
ISBN 978-5-906880-45-1*

Аннотация

«Смешное и трагическое – две сестры, сопровождающие нас по жизни», – говорил Юрий Никулин. Так и в его жизни. Блистательный клоун в Московском цирке на Цветном бульваре, актер комедийного кино, составитель многих сборников анекдотов – таким помним его мы. Между тем жизнь Никулина не была легкой, ее не переполняли лишь радужные моменты. Кровь Великой Отечественной войны, ежедневное преодоление непонимания его работы теми, кто считал умение смешить легковесным и ненужным. Но он упрямо шел выбранным для себя путем, опираясь на поддержку семьи и друзей, на любовь миллионов зрителей. «Слышать смех – радость. Вызвать смех – гордость для меня». И Юрий Никулин действительно был горд тем, что смешил нас. В новой книге известный журналист

Федор Раззаков воссоздает жизнь Юрия Никулина буквально по дням, во всех подробностях, не утаивая ничего, вплоть до расхожих сплетен и слухов. При этом автор, освещая события жизни великого клоуна, прибегает ко множеству источников: мемуары, воспоминания родных и близких, интервью и статьи.

Содержание

Часть первая. Народный клоун Юрий Никулин	6
Токмаков переулком рядом с Разгуляем	6
От Финской до Великой Отечественной	14
Несостоявшийся жених	19
Несостоявшийся актер	21
Азы клоунады	24
Неудачная проба	34
Жена по имени Татьяна	40
На манеже и в жизни	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Федор Раззаков
Юрий Никулин.
Смешное и трагическое

© Раззаков Ф. И., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

Часть первая. Народный клоун Юрий Никулин

Токмаков переулок рядом с Разгуляем

Юрий Никулин родился 18 декабря 1921 года в Демидове, бывшем Поречье, Смоленской губернии. О своих родителях он вспоминал следующее:

«...Детство свое отец (Владимир Андреевич родился в 1898 году. – Ф.Р.) провел в Москве. После окончания гимназии он поступил на юридический факультет университета, где закончил три курса. После революции его призвали в армию. В 1918 году он учился на курсах Политпросвета, на которых готовили учителей для Красной армии. После окончания курсов отец просил послать его в Смоленск – поближе к родным, – мать и сестра отца учительствовали в деревне недалеко от Демидова. Перед самой демобилизацией он познакомился с моей матерью (Лидия Ивановна родилась в 1902 году. – Ф.Р.). Они поженились, и отец остался в Демидове, поступив актером в местный драматический театр. В этом же театре служила и мама – актрисой. Отец организовал передвижной театр “Теревьюм” – Театр револю-

ционного юмора. Он писал обозрения, много ставил и много играл сам...».

В 1925 году семья Никулиных переехала в Москву – в дом № 15 по Токмакову переулку (рядом с Разгуляем). Я хорошо знаю эти места, поскольку в детстве жил по соседству – на улице Казакова (две минуты пешком до Токмакова переулка). Правда, к тому времени, когда наша семья там поселилась, семейство Никулиных уже успело переехать, поскольку их дом снесли, а на его месте построили панельную девятиэтажку. Но рассказы о том, что здесь когда-то жил великий клоун, продолжали курсировать.

В столице отец Юрия занимался литературным трудом: писал интермедии, концераны и репризы для эстрады, цирка, позднее устроился работать в газеты «Известия» и «Гудок». Мать нигде не работала и в основном занималась домашним хозяйством и воспитанием сына. Два раза в неделю Никулины посещали театр, а возвращаясь домой, горячо обсуждали пьесу, игру актеров. Таким образом, наш герой уже с детских лет оказался в центре театральной жизни столицы.

В 1929 году Никулин-младший отправился в первый класс средней школы № 16 (позднее ей дали № 349), которая считалась образцовой. Учился он средне, и однажды школьный педолог (эти люди тестировали детей и определяли их умственные способности) вынес заключение, что у Никулина очень ограниченные способности. Это заключение возмутило отца мальчика, он отправился в школу и доказал, что

его сын вполне нормальный ребенок с хорошими задатками.

Владимир Андреевич Никулин вел в той же школе драматический кружок, в котором, естественно, участвовал и его сын Юрий. Они ставили отрывки из самых различных пьес, начиная от детских и заканчивая классикой. Например, в отрывках из «Детства» М. Горького Никулин играл самого автора – Пешкова.

В те годы в образцовых школах существовала такая практика, когда на встречи с учащимися приходили известные общественные деятели страны, работники литературы и искусства. Нашему герою запомнились две такие встречи: с писателями Аркадием Гайдаром и Львом Кассилем. Случились они, когда он учился в шестом классе. Тогда Юрий отличился тем, что написал лучший рассказ и получил за него второе место на районном конкурсе. Поэтому Гайдару его представили, как «начинающего писателя». Гайдар пожал ему руку и пригласил во Дворец пионеров, где обычно встречался с ребятами, которые пробовали себя в литературе. Однако внезапно свалившаяся на героя нашего рассказа ангина не позволила ему прийти на эту встречу.

Юра Никулин в школе

С друзьями и граммофоном. 1930-е годы

Примерно класса с четвертого Никулин, по примеру своего отца, сильно увлекся футболом. Правда, вместо того, чтобы болеть за отцовский «Спартак», он отдал предпочтение его вечному конкуренту – московскому «Динамо». Бывало, их мнения расходились так сильно, что они весь день спорили до хрипоты, чья команда лучше и сильнее. В таких случаях матери с трудом удавалось их утихомирить.

В их квартире был специальный футбольный уголок: на стене висели таблица футбольного первенства страны и фотографии любимых игроков. Смотрителем этого уголка был

Никулин-младший, который педантично отмечал все результаты прошедших матчей.

Читая сегодня мемуары Юрия Владимировича, я невольно ловлю себя на мысли, что у нас с ним были одни маршруты. Например, в булочную я с родителями ходил на тот же Разгуляй, куда когда-то регулярно заезжал и наш великий клоун. Вот его собственный рассказ об этом:

«...Иногда приезжаю на Разгуляй просто посмотреть на родные места. И я вспоминаю, как много лет назад вот так же шел снег и мы с отцом (он держал меня за руку) шли по заснеженной улице в традиционный поход на Разгуляй купить что-нибудь к вечернему чаю.

Перед выходом из дому отец всегда спрашивал у матери, что купить. Мама говорила:

– Триста граммов горчичного хлеба, маленькую калорийную булочку, хорошо бы сто граммов масла, сто граммов колбаски. Ну и конфеток, если деньги останутся.

Мы с отцом одевались и шли по своему обычному маршруту. Сначала заходили в булочную. Всегда покупали у одной и той же продавщицы. Каждой из продавщиц придумали имя. Тихонькую черненькую юркую продавщицу в булочной мы прозвали Мышкой, а толстого, заросшего щетиной мясника – Карабасом.

Когда я возвращался из булочной, отец спрашивал:

– Ты у Мышки покупал?

– У Мышки, – отвечал я.

И мы улыбались...».

В 1937 году Юрия перевели учиться в другую школу, № 346, которая стояла напротив его дома (она и сейчас стоит на том же месте и хорошо мне знакома, поскольку я учился в пяти минутах от нее – в школе № 325). Почему это произошло? Юрий Никулин рассказывает об этом так:

«...До седьмого класса я учился в образцовой школе. А потом два седьмых класса решили соединить в один восьмой – часть ребят поступала в спецшколы, в техникумы, другие пошли работать, а на два восьмых класса не хватало учеников. В восьмой класс отбирали лучших по учебе и поведению. Я в этот список не попал. Как потом узнал, на педагогическом совете долго обсуждали мою кандидатуру, решая вопрос, оставлять меня в школе или нет. С одной стороны, хотели оставить, потому что отец много делал для школы, но с другой – учился я средне, на уроках часто получал замечания (Отмечу, что даже в комсомол нашего героя тогда так и не приняли. – Ф.Р.).

Решение педагогического совета меня устраивало – появилась возможность перейти в школу-новостройку рядом с домом. В ней учились ребята из нашего двора. Теперь я, как и все, мог перелезть через забор, сокращая путь от дома к школе...».

Первая любовь пришла к нашему герою в шестом классе. Это была девочка из его же школы, небольшого роста, худенькая, со светлыми, аккуратно подстриженными волосами. По счастью, она дружила с девочкой из его дома, поэто-

му наш герой мог видеть ее почти каждый день. Правда, она не догадывалась о его чувствах к ней.

Юрий Никулин вспоминает:

«...Разговаривала она со мной так же, как и со всеми остальными ребятами из нашего класса. Я все чаще стал разглядывать себя в отцовское зеркало и страшно переживал, что голова у меня какая-то продолговатая, дынькой, как говорила мама, а нос слишком большой. Таким я казался себе в тринадцать лет...

Когда я перешел в другую школу, мы перестали с ней видеться, но каждый день я вспоминал ее. Со всевозможными хитростями узнал у одной из девочек ее домашний номер телефона и один раз позвонил. Но, услышав резкий голос ее отца, бросил трубку на рычаг.

В новой школе из девочек никто не нравился, хотя в десятом классе любовь у нас процветала вовсю. А три пары из нашего класса сразу по окончании школы поженились...».

От Финской до Великой Отечественной

Летом 1939 года Никулин закончил десять классов, однако аттестата зрелости не получил – он не смог сдать вовремя чертежи по черчению. Поэтому когда после выпускного вечера всех десятиклассников поздравляли с окончанием школы, Юрия никто не поздравил. И пришлось ему целый месяц корпеть над злосчастными чертежами, в то время как все его сверстники беззаботно отдыхали. Но чертежи он все-таки сдал и аттестат на руки получил. Затем почти четыре месяца беззаботно отдыхал, так как знал, что осенью его без всякой отсрочки призовут на воинскую службу. Так оно и получилось. 18 ноября 1939 года, в соответствии со сталинским указом о всеобщей воинской обязанности, Никулина призвали в армию.

Служил он в войсках зенитной артиллерии под Ленинградом. Вот как будущий артист вспоминал о тех днях:

«...Ко мне поначалу некоторые относились с иронией. Большие всего доставалось во время строевой подготовки. Когда я маршировал отдельно, все со смеху покатывались. На моей нескладной фигуре шинель висела нелепо, сапоги смешно болтались на тонких ногах. Когда первый раз пошли всей батареей в баню, я разделся и все начали хохотать. Я всегда знал, что некрасивый. Глиста в обмороке. Худой,

длинный и сутулый. Но я нисколько не обижался. Про себя я злился, но в то же время смеялся вместе со всеми. Что меня и спасало от дальнейших насмешек...

О жизни родных я знал все до подробностей. Письма получал больше всех на батарее. Многие мне завидовали. Писали мне отец с матерью, тетки, друзья и даже соседи...».

В декабре 1939 года грянула война с Финляндией. Наш герой, как и многие его сослуживцы, написал заявление: «Хочу идти в бой комсомольцем». Однако участвовать в боевых действиях зенитной батареи Никулина так и не довелось. Они находились под Сестрорецком, охраняя воздушные подступы к Ленинграду, а почти рядом с ними шли тяжелые бои по прорыву обороны финнов – линии Маннергейма. Именно в то время наш герой сильно обморозил себе ноги – когда тянул линию связи от батареи до наблюдательного пункта. 12 марта 1940 года война с Финляндией закончилась.

Одним из увлечений Никулина еще со школьных времен было коллекционирование анекдотов (собирать он их начал с 1936 года). К началу армейской службы в его обширной коллекции было уже около 600 анекдотов на самые различные темы. И в армии с ним произошел такой случай. Некий старослужащий Гусаров поспорил с ним на десять пачек папирос «Звездочка», кто больше из них знает анекдотов. Условия спора были такими: один начинает и если другой этот анекдот знает, то надо начинать другой. Начал Гусаров.

Однако Юрий принялся прерывать его после каждого анекдота: знаю, знаю... Гусаров не выдержал и отдал право рассказа сопернику. И Никулина понесло. В течение двух часов (!) он рассказывал анекдоты, и ни один из них Гусарову не был известен. Так продолжалось до четырех утра, причем к этому времени Никулин не дошел и до половины своей лекции. Все, наблюдавшие за этой дуэлью, уже устали смеяться и стали постепенно, один за другим, засыпать. Наконец не выдержал и сам Гусаров. «Ладно, кончай травить, я проиграл», – заявил он и обессиленный свалился на кровать.

На втором году службы Никулин заболел плевритом, и его, после лечения в госпитале, на время перевели с батареи санитаром в санчасть. Там он пробыл около года, после чего вновь вернулся в родную батарею. А в апреле 1941 года стал готовиться к демобилизации. Но попасть домой ему тогда было не суждено: 22 июня 1941 года началась война.

Юрий Никулин рассказывает:

«...Я тогда служил под Ретином. С утра 22 июня мы с моим приятелем Боруновым получили свои солдатские 10 рублей, взяли бидончик и пошли за пивком. Помню, оно стоило что-то около 2 рублей. Идем себе спокойно, как вдруг женщины прямо накинулись на нас. Обступили и давай спрашивать: “Солдатики, а это правда, что война началась, правда, что немцы на нас напали?” И тут в 12 часов – выступление Молотова по радио, все вопросы сами по себе отпали. Какое тут к черту пиво, мы ноги в руки – и бегом

на батарею. В первый же день мы из своих 85-миллиметровых орудий открыли по немецким самолетам огонь. Эти гады закидывали Финский залив глубинными минами. Мы тогда ни одного не сбили, а вот наши соседи один самолет все-таки завалили...».

До весны 1943 года Никулин воевал в составе зенитной батареи под Ленинградом. Дослужился до звания старшего сержанта. Затем он заболел воспалением легких и попал в госпиталь в Ленинграде. Пролежал там две недели, после чего был определен в 71-й отдельный дивизион, который стоял под Колпином. Однако в новую часть наш герой так и не прибыл. В тыловых частях, примерно в 10 километрах от дивизиона, его контузило взрывом снаряда. И вновь – госпиталь, лечение. После выздоровления его отправили в 72-й отдельный зенитный дивизион все под тем же Колпином.

Юрий Никулин вспоминает:

«...Не могу сказать, что я отношусь к храбрым людям. Нет, мне бывало страшно. Все дело в том, как этот страх проявляется. С одними случались истерики – они плакали, кричали, убегали. Другие переносили внешне спокойно...

Но первого убитого при мне человека невозможно забыть. Мы сидели на огневой позиции и ели из котелков. Вдруг рядом с нашим орудием разорвался снаряд, и заряжающему осколком срезало голову. Сидит человек с ложкой в руках, пар идет из котелка, а верхняя часть головы срезана, как бритвой, начисто...

Каждый раз, когда на моих глазах гибли товарищи, я всегда говорил себе: “Ведь это же мог быть и я”.

Служил у нас чудесный парень, Герник. Как-то ночью над нашей позицией пролетел самолет и сбросил небольшую бомбу примерно в сорока-пятидесяти метрах от того места, где спал Герник. Бомба взорвалась, и крошечный осколок пробил ему голову, угодив прямо в висок. Так во сне Герник и умер. Утром будим его, а он не встает. Тогда и заметили маленькую дырочку. Положили он голову на несколько сантиметров правее – остался бы жив.

А смерть командира орудия Володи Андреева... Какой был великолепный парень! Песни пел замечательные. Стихи хорошие писал и как нелепо погиб. Двое суток мы не спали. Днем отбивались от эскадрилий “юнкерсов”, которые бомбили наши войска, а ночью меняли позиции. Во время одного переезда Володя сел на пушку, заснул и во сне упал с пушки. Никто не заметил, пушка переехала Володю. Он успел перед смертью только произнести: “Маме скажите...”».

Победу Никулин встретил в Прибалтике. Однако домой он попал не скоро. Демобилизацию проводили в несколько этапов, и до нашего героя очередь дошла только через год после окончания войны. Он уволился из армии 18 мая 1946 года. Самое интересное, что когда он прямо с Рижского вокзала позвонил домой, то взявший трубку отец предложил ему... встретиться на стадионе. В тот день футбольный «Спартак» играл очередной матч с «Динамо».

Несостоявшийся жених

Вернувшись на гражданку, Никулин едва не женился. У него была любимая девушка Рита, которая дождалась его с фронта и, кажется, неплохо к нему относилась. Они встречались почти каждый день, и он уже, на правах родственника, вошел в ее дом. Единственное, что удерживало нашего героя от решительного шага, это – отсутствие жилья. Однако его дядя, узнав об этой проблеме, разрешил ему вселиться в одну из своих пустующих комнат. После этого уже ничто не удерживало Никулина от того, чтобы сделать любимой девушке предложение руки и сердца. Но...

Юрий Никулин вспоминает:

«...В тот вечер, когда я попросил ее руки, она сказала:

– Приходи завтра, я тебе все скажу.

На следующий день, когда мы встретились на бульваре, она, глядя в землю, сообщила, что меня любит, но по-дружески, а через неделю выходит замуж. Он летчик, и дружит она с ним еще с войны, просто раньше не говорила. Поцеловала меня в лоб и добавила:

– Но мы останемся друзьями...

Вот так и закончилась моя первая любовь. Переживал я, конечно, очень. Ночью долго бродил один по Москве. Мама с папой утешали...».

Стоит отметить, что прожила та девушка с летчиком

недолго: он ее бросил. Что касается дружеских отношений с Никулиным, то они продолжались до самой смерти: наш герой поздравлял ее с 8 Марта, она обычно звонила на Новый год.

Несостоявшийся актер

Вернувшись из армии, Никулин был преисполнен уверенности, что с его способностями его возьмут в любое творческое заведение Москвы. Ведь в армии он активно участвовал в художественной самодеятельности, и его однополчане были просто в восторге от его комического таланта. Поэтому летом 1946 года Никулин отправился во ВГИК. Однако, пройдя два тура, с третьего тура он был внезапно снят экзаменационной комиссией, которую возглавлял известный кинорежиссер Сергей Юткевич. Ему заявили следующее:

«В вас, конечно, что-то есть, но для кино вы не годитесь. Не тот у вас профиль, который нам нужен. Скажем вам прямо: вас вряд ли будут снимать в кино. Это мнение всей комиссии. Если вы действительно любите искусство, то советуем вам пойти в театральный институт...».

Никулин внял последнему совету и в те же дни подал документы сразу в два театральных заведения: ГИТИС и училище им. Щепкина при Малом театре. Однако и в них его не взяли. Тогда он попробовал было сунуться во вспомогательный состав театра МГСПС, но не прошел конкурс и туда. То же самое с ним произошло и в ряде других творческих училищ и студий. Отчаянию нашего героя не было предела. Ему казалось, что само небо прогневалось на него. И тогда ему помог случай...

Еще когда он проходил отбор в ГИТИСе, его заметил тогда еще никому не известный Анатолий Эфрос (будущий знаменитый театральный режиссер), который в то время заканчивал режиссерский факультет института. Узнав, что Никулин в институт не поступил, он посоветовал ему идти в студию при Ногинском театре, которым руководил режиссер Константин Воинов. Этот совет и вспомнил Никулин после череды поражений, обрушившихся на него. Студия находилась в Москве, и он решил рискнуть. И ему повезло – его приняли.

Однако учиться в студии Юрию пришлось недолго. В сентябре того же года его поманил к себе цирк. О том, как это произошло, герой нашего рассказа вспоминал так:

«...Обычно мы с отцом покупали газету “Вечерняя Москва” в киоске на Елоховской площади. Где-то в середине сентября 1946 года мы купили газету и на четвертой странице прочли объявление о наборе в студию клоунады при Московском ордена Ленина государственном цирке на Цветном бульваре. Возникла идея: а что, если попробовать?

На семейном совете долго обсуждали: стоит или не стоит поступать в студию?

Мама склонялась к театру, считая, что рано или поздно, но мне повезет.

– Все-таки театр благороднее, – говорила она.

Отец придерживался другого мнения.

– Пусть Юра рискнет, – настаивал он. – В цирке экспе-

риментировать можно. Работы – непочатый край. Если он найдет себя – выдвинется. А в театре? Там слишком много традиций, все известно, полная зависимость от режиссера. В цирке многое определяет сам артист.

И я решил поступать в студию цирка...».

Азы клоунады

В отличие от ВГИКа, ГИТИСа и прочих творческих вузов, откуда будущего клоуна благополучно завернули после первых же туров, в цирковую студию он поступил без особых проблем. Из нескольких сот желающих поступить туда высокая комиссия отобрала только 18 человек, и среди этих счастливицев был и наш герой.

За несколько недель до этого экзамена Никулин попытал удачи в студии при Камерном театре. И вот удача – его приняли. Однако на семейном совете, который собрался сразу после его удачного поступления, было окончательно решено – вместо театра выбрать цирк. Путь на манеж для Никулина был теперь открыт.

Отметим, что в ту пору цирку в СССР уделялось первостепенное значение. И это было не случайно. Только что отгремела кровопролитная война, унесшая жизни миллионов советских людей и оставившая трагический след в судьбах выживших. Людям требовалось отвлечься от пережитого ужаса, и лучше, чем в цирке, этого сделать было нельзя. Ведь что такое цирк: это каскад головокружительных номеров в исполнении артистов разных жанров – клоунов, акробатов, иллюзионистов, дрессировщиков и др. Это три часа непрерывного искрометного зрелища. Поэтому советское правительство уделяло цирку повышенное внимание. Несмотря

на трудную ситуацию с финансами, из бюджета выделялись большие деньги на развитие циркового искусства. Так, самая большая стипендия среди студентов в те годы была именно у «циркачей» – 500 рублей. Кроме этого, им выдавали талоны на сухой паек.

Из воспоминаний Юрия Никулина:

«...Главное управление цирков Комитета по делам искусств отпустило значительные средства на студию. Стране нужны были клоуны. К нам пригласили преподавателей различных дисциплин... Приглашались старые мастера, которые беседовали с нами о специфике, технологии цирка, рассказывали о своей жизни, работе. Много времени провел с нами Александр Борисович Буше, неповторимый режиссер – инспектор Московского цирка...».

Студию Никулин закончил летом 1948 года. По его же словам, творческий багаж у него был небогатый. Вот что пишет будущий известный клоун в мемуарах:

«...После окончания учебы в студии я задумался о нашей с Борисом Романовым (партнер Никулина. – Ф.Р.) дальнейшей работе. Мы – клоуны по диплому. Что мы имели с Романовым? Одну сомнительную клоунаду, почти не проверенную на публике, три клоунских костюма, бутафорскую фигуру Никулина, толстую бамбуковую палку, расщепленную на конце, чтобы слышался треск, когда ударяешь этой палкой по голове партнера, и громадную никелированную английскую булавку, подаренную нам клоуном Любимовым. И

все? Нет.

Была еще у нас жажда работать на манеже, желание искать, пробовать. Конечно, мы с Борисом Романовым были людьми наивными, считая, что достаточно выучить текст (хорошо бы смешной), иметь забавные костюмы, выйти на манеж, и все у нас легко получится. Мы очень хотели побыстрее выйти на публику и только в будущем поняли, что нам многого не хватало, что мы не владели даже азами профессионализма...».

Отметим, что в дуэте Никулин – Романов знаменитым станет только первый, а второй так и не сумеет полностью реализовать свой клоунский потенциал.

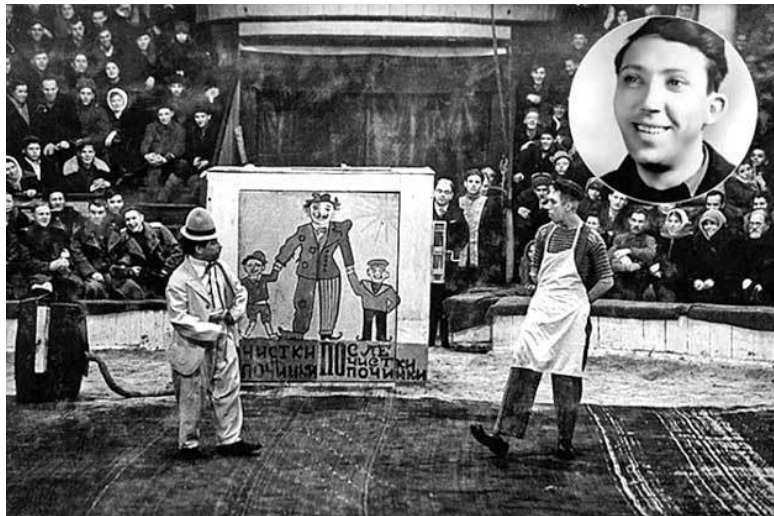
Первое самостоятельное выступление Никулина на манеже цирка произошло 25 октября 1948 года. Вместе с Романовым он показал клоунаду «Натурщик и халтурщик», которую придумал его отец. Отмечу, что, прежде чем выйти на сцену, актеры попросили подыграть им знаменитого клоуна Карандаша – Михаила Румянцева. Однако тот молодым людям тогда отказал, видимо, посчитав неуместным для себя выходить на арену вместе со студентами.

Юрий Никулин рассказывает:

«...Работали мы тогда как во сне. Публика кое-где смеялась. Но если говорить откровенно, прошли весьма средне. Правда, Александр Александрович Буше и все студиисы поздравляли нас с дебютом, говоря, что для первого раза мы выступили неплохо...».

Видимо, то выступление действительно прошло удачно для нашего героя, так как через несколько дней после него Румянцев-Карандаш вдруг предложил Никулину и Романову поехать вместе с ним на гастроли по Сибири (заметим, что однажды, еще в студии, Никулин уже ездил на гастроли с Карандашом – вместе со своим однокурсником И. Полубаровым). По словам Никулина, в Сибири он поначалу выглядел не лучшим образом, хотя очень старался. Но публика на клоунские эскапады Никулина реагировала как-то вяло. Вот как это было по его же словам:

«...Мы показывали клоунаду “Автокомбинат”. Когда ее в Москве с Карандашом исполняли клоуны Демаш и Мозель, то Рыжый – Мозель – всегда вызывал смех. Крутил ручку трещотки Демаш, а Мозель так пугался, кричал и дрожал от страха, что публика заливалась смехом. У нас же Романов вертел ручку, я орал, пугался, дрожал, а в зале – тишина. Пробовал я бежать и, спотыкаясь о барьер, падать (отбивал себе бока и колени), зарывался в опилки, но никакого эффекта. Тогда Карандаш придумал приспособление: дал мне в руку авоську с пустыми железными консервными банками. Когда я падал, и банки с шумом рассыпались в боковом проходе, смех возникал. Но как далеко мне было до мозельского успеха! Не получалось у меня и с первым выходом в клоунаде.

На арене цирка клоуны Карандаш и Юрий Никулин

Михаил Николаевич Румянцев (Карандаш) и Юрий Владимирович Никулин среди зрителей

— Клоун выходит на манеж, и публика должна сразу принимать его смехом, только тогда пойдет все как надо. Клоун должен сказать публике свое смешное “Здравствуйте”, — учил меня Карандаш.

Я же появлялся в своем кургузом костюмчике, в канотье, и публика встречала меня не только молча, а, пожалуй, даже с некоторым недоверием.

— Никулин, попробуйте, что ли, петь на выходе... — посоветовал как-то Карандаш.

Я выбрал популярную в то время песню “Закаляйся, если хочешь быть здоров” из фильма “Первая перчатка”. Пел ее истошным голосом, пел дико, так, что публика, сидевшая близко, вздрагивала, а дети в зале пугались. Песня не помогала. Но на одном из представлений решил петь куплет не сначала, а со строчки “Водой холодной обливайся...”, и в слове “холодной” голос у меня вдруг сорвался. Слишком высоко взял. В зале засмеялись. Ага, думаю, уже на правильном пути. Так постепенно, по крупицам, выуживал смех у публики...».

Гастроли прошли успешно, и артисты, окрыленные успехом, вернулись в столицу. 25 ноября 1948 года Никулин получил на руки диплом об окончании студии. Вскоре после этого его и Романова Карандаш пригласил работать к себе в качестве партнеров. Чуть позже Романов от Карандаша ушел, и вместо него рядом с Никулиным появился Михаил Шуйдин. Поскольку этому человеку суждено будет сыграть ключевую роль в судьбе Никулина, а также стать выдающимся клоуном, то познакомимся с ним поближе.

Шуйдин был почти на год моложе Никулина – он родился 27 сентября 1922 года под Тулой в деревне Казачья Щёкинского района в семье пастуха. Отец у него умер рано, поэтому они вместе с мамой, Елизаветой Григорьевной, переехали в Подольск. Семья проживала по адресу: Государственный цементный завод, дом им. М. И. Калинина № 28, квартира № 89. Учился Миша в школе № 10 при Цементном заводе.

Подростком посещал Дом художественного воспитания детей, где занимался музыкой, акробатикой, художественным чтением, играл в театре и музыкальном ансамбле на ударных инструментах, выступал на самодеятельной сцене.

Закончив семилетку, Михаил поступил в ФЗУ и закончил его в 1938 году по специальности слесарь-лекальщик. Однако мечта стать артистом перевесила – в 1940 году Шуйдин поступил в ГУЦИ. Но вскоре грянула война, и Михаила направили работать на оборонный завод. Бронь освобождала юношу от армии, но Шуйдин рвался на фронт. Военкомат направил девятнадцатилетнего парня в Горьковское танковое училище. По окончании обучения с отличием Шуйдин в звании лейтенанта был направлен командиром танка Т-34 в 35-ю Гвардейскую танковую бригаду 3-го Сталинского танкового корпуса.

На фронте танкист Шуйдин проявил исключительную храбрость, героизм и отвагу. Он несколько раз горел в танке, в результате чего у него на всю жизнь остались ожоги на лице, получил тяжелую контузию, почти год лежал в госпиталях. А в 1943 году после кровопролитных боев за украинскую деревню Удовиченки Шуйдина наградили Орденом Красной Звезды.

В наградном листе Герой Советского Союза генерал-майор А. Аслонов писал:

«За период боевых действий с 23 июня по 21 августа 1944 года М. И. Шуйдин проявил исключительное умение и храб-

рость при форсировании нашими войсками реки Березины танками своего взвода, первым ворвался и мастерски выиграл бой за города Сморгонь, Вилейка и Вильно.

Смело и грамотно неоднократно действовал в разведке, доставляя командованию ценные сведения о противнике. Лично, сам и с танкистами своего взвода тов. Шуйдин уничтожил четыре танка, две самоходные пушки, семь автомашин, 70 солдат и офицеров противника, взял в плен 20 немецких автоматчиков.

В боях за Жагаре тов. Шуйдин, командуя танковой ротой, получил задачу стать в засаде и не дать противнику перерезать дорогу, идущую с запада.

Будучи в засаде, за 26 часов он отразил семь контратак танков и пехоты противника. Несмотря на создавшуюся трудность, важный рубеж обороны тов. Шуйдин удержал, уничтожив при этом три танка, 50 солдат противника, подавил огонь двух вражеских батарей. 21 августа 1944 года тов. Шуйдин стремительно и отважно повел свою роту в атаку и уничтожил при этом два самоходных орудия и автомашину противника. В этом бою М. И. Шуйдин был тяжело ранен».

После лечения в госпитале Михаила Шуйдина назначили командовать танковым взводом с американскими танками М4 «Шерман». Всего же за годы войны Шуйдин участвовал в следующих войсковых операциях: он форсировал Березину, Нарочь, участвовал в операции «Кольцо» по окруже-

нию 6-й армии Паулюса, воевал за Ростов-на-Дону и Матвеев Курган, участвовал в освобождении Левобережной Украины, форсировал Днепр, принимал участие в операции «Багратион», Белгород-Харьковской наступательной операции. Гнал фашистскую нечисть до Берлина.

Войну закончил в звании гвардии старшего лейтенанта. Был предоставлен к званию Героя Советского Союза, но награду так и не получил. По распоряжению генерал-лейтенанта Г. Скорнякова Михаил Шуйдин был награжден Орденом Красной Звезды.

После войны Шуйдин продолжил обучение в ГУЦИ на акробатическом отделении, затем поступил в Студию клоунады при Московском цирке на Цветном бульваре, где судьба и свела его с Юрием Никулиным, ставшим его партнером по манежу на долгих три десятилетия.

Неудачная проба

Кинематограф Никулин любил с детства и всегда лелеял мечту о том, что когда-нибудь он будет сниматься в кино. А его любимым актером был великий Чарли Чаплин, которого он впервые увидел на большом экране еще будучи подростком – отец взял его в Парк им. Горького на фильм «Новые времена». Вот как об этом вспоминал Юрий Никулин:

«...Когда меня спрашивают, кто мой любимый комедийный артист, я называю Чарли Чаплина. Ко времени моих самостоятельных посещений кино его ранние фильмы уже сошли с экрана.

Как-то дома, рассказывая и изображая в лицах очередную кинокомедию, я услышал, как отец сказал матери:

– Вот бы Юре Чаплина посмотреть, он бы его потряс.

Так я узнал, что в кино есть Чаплин.

– Ну какой он, Чаплин, какой? – спрашивал я у отца.

– Маленький, в котелке, в руках тросточка, ходит переваливаясь, очень смешной.

Можно понять мое ликование, когда, став подростком, я узнал от отца, что в Москве пойдет один из последних фильмов Чарли Чаплина – “Новые времена”. Осенью, в дождливую погоду, мы пошли всей семьей в Зеленый театр Парка культуры и отдыха им. Горького смотреть этот фильм. В Зеленом театре – громадный экран, и фильм могут смот-

реть около тридцати тысяч зрителей.

Как только на белом полотне появился человек с тросточкой, я забыл обо всем на свете. Не существовало зала, куда-то исчез дождь (фильм шел под открытым небом). Я видел только Чаплина. “Новые времена” меня покорили настолько, что на другой день я захотел увидеть фильм снова, но все билеты оказались проданными. Попал я на эту картину лишь через два дня.

...Много, много овец. Целое стадо! Вдруг эти овцы на глазах превращаются в толпу людей. Это безработные входят в заводские ворота, надеясь получить работу. В толпе маленький человечек – Чарли. Он тоже хочет работать. Случайно его берут на завод. А дальше – сцена на конвейере, непосильная работа, когда человек превращается в машину. Эта работа сводит с ума. Чарли выгоняют. Он поступает ночным сторожем в универсальный магазин. Опять неудачи. Его выгоняют на улицу. И через весь фильм проходит любовь Чарли к девушке, с которой он уходит по дороге вдаль, так и не обрета благополучия, счастья.

Что я могу сказать сейчас, через много лет? Эти полтора часа в Зеленом театре запомнились мне на всю жизнь. Полтора часа счастья, блаженства, восторга. Я окунулся в странный, удивительный и смешной мир. С первых кадров понял: маленький смешной человек – мой самый любимый и близкий друг. И я переживал за его судьбу, хотя и смеялся над его похождениями.

Вышел после просмотра счастливый, шел рядом с отцом и все думал о Чаплине. Музыку из “Новых времен” я все время напевал про себя.

А спустя несколько месяцев на экранах Москвы показывали “Огни большого города”. Там Чарли – бродяга-безработный. Он случайно спасает от самоубийства пьяного миллионера. Миллионер из чувства благодарности ведет его к себе в дом и принимает как лучшего друга. На другое утро, протрезвев, хозяин не узнает своего спасителя и выгоняет из дома.

Скитания по городу в поисках работы, любовь к бедной слепой девушке – продавице цветов, выступления на ринге боксером... Сцена бокса поставлена комично, а в то же время в горле стоял комок, когда я видел Чарли избитого, униженного, выброшенного на улицу.

В этой картине много уникальных трюков, но за ними не теряется, не тонет мысль о доброте, благородстве и страданиях маленького человека.

Более двадцати раз я смотрел “Огни большого города”. И каждый раз, когда маленький нищий человек говорил цветочнице: “Теперь вы видите?” – я вытирал слезы.

В зале зажигался свет, а я еще некоторое время сидел подавленный, ошарашенный увиденным, потом медленно шел домой, испытывая самые прекрасные, добрые чувства. Шел по улицам Москвы, наполненный грустью, радостью, желанием стать лучше...

Анализируя каждый эпизод фильма, я поражался, как продуман и отточен каждый жест и взгляд актера. Наверное, фильмы Чарли Чаплина помогли моим творческим поискам в цирке и кино. Они стали для меня эталоном смешного...».

Между тем мечта стать актером едва не обернулась для Никулина реальностью в 1949 году, когда на него обратил внимание режиссер Константин Юдин, который собирался снимать «вестерн по-советски» под названием «Смелые люди». Юдин однажды пришел в цирк на Цветном бульваре и был поражен номером под названием «Сценки на лошади» с участием Никулина. Режиссер буквально смеялся до слез. А через три недели он с кем-то из своих ассистентов снова пришел в цирк и опять смотрел представление. И во время него удивлялся:

- Позвольте, значит, это артисты выходят из публики?
- Да, это подсадка, – объяснили ему.
- Ну, товарищи, я хочу с этим высоким парнем познакомиться, – сказал Юдин, имея в виду Никулина. – Его нужно снимать в кино.

Однако их знакомство тогда не состоялось – когда режиссер пришел за кулисы, Никулин уже ушел домой. Но через два дня у нашего героя дома зазвонил телефон. Звонил Георгий Натансон, ассистент Юдина.

- Знаете, – сказал он, – вы понравились Юдину, и мы хотим вас попробовать на эпизод с трусливым немцем.

Никулин, естественно, с радостью согласился. Ему велели на следующий же день прийти на «Мосфильм».

В костюмерную его провожала миловидная девушка. Пройдя несколько коридоров, переходов, бесконечных лестниц, минуя какие-то тупички, Никулин сказал:

– Здесь можно заблудиться.

– Конечно, можно. У нас на «Мосфильме» есть места, куда не ступала нога человека, – спокойно ответила девушка.

И он ей поверил.

В костюмерной выбрали для него немецкую форму. Никулин оделся и пошел в фотоцех, где снялся в нескольких позах, после чего они с Натансоном условились, что тот позвонит Никулину и вызовет на репетицию.

Однако прошла неделя, затем другая, а Никулину никто не звонил. Прошел месяц, а звонка все не было. Тогда Никулин решил сам напомнить о себе – он позвонил Натансону. И услышал следующее:

– Вы знаете, мы сейчас подбираем актеров на другие эпизоды. Ждите и не волнуйтесь, мы вам позвоним.

А через некоторое время, узнав, что съемки фильма давно начались, Никулин решил поехать на «Мосфильм». Но на студию его без пропуска не пустили. Тогда он стал из проходной звонить по местному телефону Натансону. Наконец тот поднял трубку и огорошил несостоявшегося актера заявлением:

– Вы знаете, может быть, вашего эпизода и не будет в кар-

тине. Так что ничего конкретного я вам, к сожалению, сказать не могу.

На самом деле этот эпизод оставят, но сниматься в нем будет другой актер – Григорий Шпигель.

Так завершилась первая попытка Юрия Никулина попасть в кинематограф.

Жена по имени Татьяна

Между тем в декабре 1949 года произошли изменения в личной жизни героя нашего рассказа – он встретил девушку, которая вскоре стала его женой. Девушку звали Татьяна Покровская (родилась она 14 декабря 1929 года). Вот что Татьяна рассказывает о той знаменательной встрече с Никулиным:

«...Я училась в Тимирязевской академии на факультете декоративного садоводства и очень увлекалась конным спортом. В академии была прекрасная конюшня. А в конюшне – очень смешной жеребенок-карлик, с нормальной головой, нормальным корпусом, но на маленьких ножках. Звали его Лапоть. Об этом прослышал Карандаш и приехал эту лошадку посмотреть. Лошадка ему понравилась, и Карандаш попросил нас с подругой научить ее самым простым трюкам. Потом лошадку привезли в цирк, и Карандаш познакомил нас с Юрием Владимировичем Никулиным, который был у него в учениках. Юрий Владимирович пригласил нас посмотреть спектакль. Подруга моя пойти не смогла, я пошла одна, сидела на прожсекторе. Играли очень смешную сценку: Карандаш вызывал из зала якобы одного зрителя и учил его ездить на лошади. Но именно когда я пришла на спектакль, Юрий Владимирович, который играл роль зрителя во время этого номера, попал под лошадь. Она его так

избила, что его увезли на “скорой” в Склифосовского. Я чувствовала себя виноватой и стала его навещать...

Когда пришла навестить Юру, он не просто удивился, а был потрясен. В течение месяца я бывала в больнице почти каждый день. Мы подолгу разговаривали и с каждой встречей все яснее понимали, как необходимы друг другу. Вскоре Юра сделал мне предложение, и я его приняла.

В ЗАГСе нам дали три месяца “на размышление”, которые жених почти целиком провел на гастролях. Оттуда прислал мне денег на свадебное платье. Я купила отрез розового гипюра. Юра на регистрацию надел свой единственный костюм. До сих пор жалею, что нет ни одной фотографии, где мы запечатлены женихом и невестой.

Не помню почему, но на праздничном застолье родители Юры не присутствовали. Мы заехали к ним после ЗАГСа, приняли поздравления и отправились ко мне в коммуналку. Это была огромная квартира, половину которой занимали чужие люди, а другие четыре комнаты – мы с мамой и семьей ее сестры. Нам выделили небольшую комнату, куда на следующее утро Юра принес свое “приданое”: демисезонное пальто, шляпу, одеяло и подушку. Там мы прожили двадцать лет...».

А вот как об этом же событии вспоминал Юрий Никулин: «...Когда я стал ухаживать за своей будущей женой, она гордо объявила близким: познакомилась с артистом. Все просветлели: а в каком театре? “Он в цирке работает. Кло-

уном”. Будто бомба взорвалась! Особенно тетка ее удивилась, Калера ее звали. Тетка работала врачом и лечила моего фронтового друга, мы с ним всю войну прошли в одной батарее. Друг пришел на свадьбу, познакомился с сестрой моей жены и стал ее мужем – моим родственником! Вот как судьба переплетает. А я как раз после войны ухаживал за его сестрой, она была такая молоденькая, симпатичная, водил в Центральный Дом работников искусств, в кино, театр. Никаких поцелуев, но я к ней тянулся. А она ко мне как-то не очень. Но, видно, все равно суждено нам было с другом породниться...».

И еще одно воспоминание на эту же тему актрисы Нины Гребешковой:

«...Мы с Таней учились в одном классе. И обе жили в Гагаринском переулке. И вот иду я однажды по этому переулку, навстречу мне Таня с молодым человеком. Она мне говорит: “Познакомься, это мой муж”. И я вижу нелепого, некрасивого, странного молодого человека (а Таня – очень красивая женщина). Кто бы мог подумать, что я буду сама играть его жену в фильме “Бриллиантовая рука”?..».

На манеже и в жизни

Летом 1950 года Никулин ушел от Карандаша. Случилось это после того, как заявление об уходе подал Михаил Шуйдин, у которого с Румянцевым сложились весьма непростые отношения. А непосредственным поводом к конфликту между ними послужило то, что Румянцев не помог своему партнеру пробить в главке вопрос о повышении его зарплаты. Это переполнило чашу терпения Шуйдина. А так как у них с Никулиным был уговор – если уходит один, то и второй вместе с ним, – то и наш герой подал заявление об уходе.

В то время при Московском цирке была создана постоянная группа клоунов, и Никулин решил попытать счастья в ней. Мотаться по гастролям ему надоело, к тому же семейная жизнь не располагала к частым отлучкам из дома. Однако работа на новом месте не принесла артисту желаемого удовлетворения. Работу группы начальство пустило на самотек, и молодые клоуны вынуждены были вариться в собственном соку. В то время Никулина посещали отнюдь не радостные мысли. Вот уже скоро пять лет как он выступал на манеже цирка, а весомых результатов – ноль. У него складывалось впечатление, что он топчется на месте. Но как изменить ситуацию к лучшему, он пока не знал. Однако успех уже был не за горами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.